Е.А. Оглезнева

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ РУССКО-КИТАЙСКОГО ПИДЖИНА

The article is devoted to the different variations of Russian-Chines pigeon.

Активные приграничные контакты русских и китайцев на Дальнем Востоке, в частности в районе Благовещенска (Россия) – Хэйхэ (КНР), способствовали возникновению своеобразной формы русской речи, которую китайцы используют в неофициальном общении с русскими, главным образом в торговле. Эта форма речи представляет собой в наивном определении «исковерканный русский язык», а в научном – пиджин, с которым знакомы многие современные жители Дальнего Востока, в частности Приамурья.

По давнему, но остающемуся актуальным замечанию А.Г. Шпринцина, «китайско-русский диалект, несмотря на длительную историю своего существования... до сих пор научно не описан» [1, с. 86].

Причина малоизученности русских пиджинов, русско-китайского пиджина в частности, – в пренебрежении к «малограмотной речи», «исковерканному» русскому языку. Отношение к контактным языкам как испорченным, неправильным вариантам «нормальных» языков в свое время существовало и среди зарубежных лингвистов. Причин такого заблуждения несколько. Одна из них, по мнению В.И. Беликова, «кроется в истории возникновения пиджинов и креолов: возникают они всегда в условиях коммуникационных кризисов, имеющих зачастую катастрофический характер: созданная наспех новая языковая система коммуникации «на поверхностного наблюдателя производила впечатление испорченной старой» [2, с. 5].

Другая причина безразличия лингвистов к контактным языкам была связана с тем, что эти языки не являлись престижными для европейцев. Главным объектом лингвистических исследований в соответствии с восходящими к античной грамматике традициями оставался «хороший» язык в его устной и письменной форме, следующий строгой, единственно возможной норме [2, с. 5].

К счастью, отношение к контактным языкам изменилось. Так, на Западе, в частности в американской лингвистике, изучение пиджинов очень популярно и весьма продуктивно для психолингвистики, изучающей овладение языком в процессе коммуникации, без специального обучения [3, с. 104, 107].

Вне сомнения, что изучение контактных языков значимо и для теории языкознания: «сама природа этих языков и их чрезвычайно быстрая эволюция могут пролить свет на ряд сложных проблем лингвистической теории: проблемы лингвогенеза, закономерности развития и взаимодействия языков, языковые универсалии, соотношение врожденной способности к языку и конкретной языковой компетенции» [4, с. 3]. Своеобразной лабораторией языка называет контактные языки В. И. Беликов, «где in vivo можно выяснить, как происходит грамматикализация лексики, становление грамматических категорий, как возрастает деривационная глубина синтаксиса; через исследование онтогенеза креолистика вплотную подходит к постановке вопросов, связанных с филогенезом человеческого языка» [2, с. 7].

Кроме того, в свете современной парадигмы лингвистического знания, характеризующейся антропоцентризмом, становится очевидной необходимость изучать контактные языков еще и как результат этнокультурного взаимодействия разных народов, отражающий определенный этап их отношений. В этом плане контактология, как раздел языкознания, тесно взаимодействует с другими гуманитарными науками – историей, этнографией, религиоведением, психологией коммуникации и др.

По определению В. А. Виноградова, пиджин – это «структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путем существенного упрощения структуры языка-источника; используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения» [5, с. 374]. Пиджин возникает в условиях языкового контакта при торговых взаимоотношениях разноязычных социумов в качестве элементарного средства коммуникации.

Механизм возникновения пиджина описан М.В. Дьячковым: «Представители какой-либо лингвистической общности, проявляющие инициативу в установлении контакта, навязывают партнерам по контакту незнакомый и непонятный им язык, который последним приходится усваивать на слух, в чрезвычайно сжатые сроки и в весьма ограниченной коммуникативной сфере (товарообмен, побуждение к выполнению каких-либо конкретных заданий и т.д.). В результате этого более пассивной в установлении контакта стороной усваивается не язык как таковой, а его редуцированная и искаженная модификация» [6, с. 8-9].

В качестве одного из основных признаков пиджина называют его ситуативное использование: это «язык торговли» [7, с. 2], «устный язык торговых и других деловых контактов» [8, с. 111]. Неслучайно основная гипотеза о **происхождении термина** *пиджин* связана с искаженным английским словом *business* – дело [5, с. 374; 9, с. 136; 10, с. 116]. Это английское слово, произносившееся как пиджин в пиджин-инглиш – английско-китайском контактном языке, с 1807 г. передавалось на письме как pigeon [9, с. 136; 10, с. 116].

Существует и иное мнение о происхождении термина *пиджин*. Китайский исследователь Ян Цзе связывает слово *пиджин* с английским (или другим европейским) восприятием китайского выражения *пиджен / пичжен – bizhen*, дословно «очень похожий», и считает, что данное выражение вполне могло стать основой этого термина и по семантике, и по фонологическим характеристикам [11, с. 67].

Таким образом, обе этимологии термина *пиджин* (и традиционная, и изложенная Ян Цзе) являются вполне мотивированными, только отражающими разные стороны одного явления.

Что касается места и времени возникновения термина, то Ян Цзе связывает это с китайско-русскими взаимоотношениями конца XVII в., которые осуществлялись «на систематической основе» и были подкреплены государственными договорами и соглашениями [11, с. 68]. Несмотря на то, что европейцы раньше русских проникли в Китай – уже в XIII в., – «разрозненных и малочисленных на тот момент связей было явно недостаточно для зарождения как самого языка, так и, соответственно, возникновения понятия *пиджин*»[11, с. 68]. Заметим, что возникновение научного понятия не является условием существования явления.

Другое важное свойство пиджина как средства коммуникации – упрощенность его структуры: «пиджинизация проявляется прежде всего в разрушении и упрощении сложных грамматических моделей языка-источника, развитии аналитизма и изоляции; она часто затрагивает и фонологическую структуру – происходит исчезновение или модификация некоторых категорий звуков, разрушение тоновой системы и т.п.» [5, с. 574].

Пиджин возникает на базе какого-либо языка-источника – **суперстрата**, как правило, выступающего для пиджина **языком-лексификатором**. Типично языками-лексификаторами для пиджина были европейские языки: английский, португальский, испанский, французский, голландский, а также русский (для русско-китайского пиджина, в частности). **Язык-субстрат** (как правило, это родной язык наиболее заинтересованной в новом коммуникативном

средстве стороны) – тот язык, по типу которого в пиджине складывается грамматика и фонология. В случае с русско-китайским пиджином в китайском его этнолекте языком-субстратом выступает китайский.

Пиджин «в прототипическом случае» [9, с. 137] возникает в результате двух взаимонаправленных коммуникативных процессов: сознательного упрощения языка-суперстрата со стороны носителей языка-суперстрата (речь идет о так называемом **регистре для иностранца**) и редукции языка-суперстрата и его модификация под язык-субстрат со стороны носителя языка-субстрата

В лингвистике понятие *пиджин* существует в ряду таких обозначений контактных языковых образований, как ***лингва франка, койне, креольские языки***. При сопоставлении понятия *пиджин* с этими смежными понятиями выясняется, что объединяющим их признаком будет выступать вторичность по отношению к контактирующим языкам, а различающим – результат взаимодействия языков.

Термины *лингва франка* и *пиджин* до недавнего времени часто рассматривались как синонимы, обозначая язык торговли [7, с. 27; 5, с. 267]. Однако в последнее время *лингва франка* понимается более широко, чем пиджин. *Лингва франка* в современном понимании – это «язык-посредник», «язык международного общения» [7, с. 27]. Другого мнения придерживается В.А. Виноградов, который считает, что неправомерно называть лингва франка общенациональные или интернациональные международные языки, которые являются особыми социолингвистическими категориями [5, с. 267]. В этом смысле и русский язык можно считать языком лингва франка, если иметь в виду его статус языка межнационального общения в бывшем СССР [9, с. 143].

От *койне* пиджин отличает то, что *койне* формируется при контакте близкородственных языков или диалектов одного языка, а пиджин – при контакте разных (неродственных) языков [5, с. 230].

Креольский язык – это возможная перспектива для пиджина. Креольские языки формируются из языков-пиджинов. Но в отличие от пиджина креольский язык характеризуется нативизацией, т.е. он становится родным для той или иной этнической группы, что приводит к изменению его статуса и расширению социальных функций. Пиджин «идет по пути креолизации» [5, с. 574]; для большинства языковых ситуаций это типичный и естественный путь, но не единственный.

Сам пиджин, как тип контактного языка, представляет собой эволюционирующее образование, переживающее несколько этапов в своем развитии: **жаргон, пиджин, расширенный пиджин** [3, с. 94], **стабильный пиджин** [12, с. 13].

Каждый этап развития пиджина характеризуется определенными особенностями языковой структуры – главным образом тем, насколько богат его словарный состав и сложна грамматика.

Жаргон – наиболее элементарный контактный язык [10, с. 116]. Синонимы термина: *прецджин, ранний пиджин, нестабильный пиджин*. Жаргон характеризуется узостью коммуникативной направленности, ограниченностью словарного состава (несколько сотен единиц), грамматическим примитивизмом. Лексика и грамматика жаргона нестабильны, а фонетика соответствует стандарту родного языка [2, с. 14].

Пиджин. Синоним – *редуцированный пиджин*. Для этого эволюционного этапа характерна стабилизация словарного состава и грамматической структуры [3, с. 94]. По мнению Е.В. Перехвальской, «редуцированный пиджин характеризуется отсутствием эксплицитно выражаемых грамматических категорий и одновременно «мягкой» грамматикой, то есть такой, где правила носят статистический характер и где, соответственно, любое правило может нарушаться» [12, с. 14].

Расширенный пиджин. Этот этап – результат дальнейшей стабилизации, лексического и грамматического обогащения пиджина [3, с. 94]. В.И. Беликов рассматривает данный этап развития пиджина как альтернативу креолизации: «Обстоятельства могут сложиться так, что родными для большинства носителей по-прежнему, служат этнические языки, но некоторые важные коммуникативные задачи общества (вплоть до административных на государственном уровне) обслуживает пиджин» [3, с. 94]. Е.В Перехвальская указывает на то, что расширенный пиджин обслуживает различные коммуникативные ситуации, его лексикон значительно расширился, а грамматическая структура усложнилась для передачи достаточно тонких оттенков значений – как лексических, так и грамматических [12, с. 13].

Как особый этап эволюции пиджина Е.В. Перехвальская называет еще один – *стабильный пиджин*. Его отличительными особенностями являются следующие: им пользуются носители языка-лексификатора и он постепенно приобретает все большее количество черт (фонетических и грамматических) этого языка, пока не превратится в своеобразный его диалект [12, с. 13]. Очень высокие требования предъявляются и к грамматике стабильного пиджина: «Стабильный пиджин – это язык с грамматикой в обычном понимании» [12, с. 14].

Анализируя с точки зрения редуцированности/расширенности русские пиджины, Е. В. Перехвальская отмечает разные этапы их эволюции на примере русско-китайского (а в ее терминологии – сибирского) пиджина: редуцированный (Александров, 1884; Шухарт, 1884; Врубель, 1931), стабильный (Черепанов, 1853; Шпринцин, записи 1929-1931 гг.), относительно расширенный (записи 1984-2004 гг.) [12, с. 13-14].

Традиционно считалось, что пиджины возникали только на основе какого-либо западноевропейского языка. В настоящее время известно, что это не так. Имелись и имеются **пиджины на русской основе**. Как указывает В.И. Беликов, «…подобные языки крайне интересны с теоретической точки зрения: они представляют собой результат контактов разносистемных и достаточно «экзотичных» языков, в то время как у широко известных креольских языков в качестве одного из «родителей» каждый раз выступал какой-то из в сущности однотипных, аналитических языков Западной Европы» [3, с. 90].

Среди попавших в поле исследования ученых такие русские пиджины как руссенорск, таймырский пиджин и русско-китайский пиджин; они также «до сих пор мало знакомы лингвистам, как креолистам, так и специалистам по русскому языку» [3, с. 90]. Кратко охарактеризуем каждый из пиджинов на русской основе.

Руссенорск, или «как спрэк», «моя-по-твоя» (неофициальные названия руссенорска) развился в ходе меновой торговли норвежских рыбаков и русских поморов в арктической зоне Скандинавии [13, с. 43], он использовался в устном общении как русскими, так и норвежцами. Руссенорск – результат взаимодействия русского поморского диалекта и северонорвежского варианта лансмола. Функционировал с конца XVIII в. до начала Первой мировой войны. В настоящее время является мертвым.

Руссенорск в фонетическом и лексическом плане представлял собой русско-норвежское образование (звуковой состав соединял элементы русского и норвежского языков, 47% зафиксированных лексических единиц норвежского происхождения, 53 % – русского) [13, с. 44]. Из грамматических особенностей – отсутствие морфологической оформленности у большинства знаменательных слов. Лишь некоторые существительные, прилагательные и глаголы имеют морфологическую оформленность. Незнаменательные части речи присутствуют (предлоги, союзы, междометия), но они немногочисленны [13, с. 44]. Для словообразования руссенорска характерна суффиксация, словосложение и редупликация. В синтаксисе свободный

порядок слов, как в русском языке, и различные способы связи частей предложения: сочинение и подчинение. При этом в предложениях отмечается употребления предиката в постпозиции [10, с. 128].

Объем словаря руссенорска – 390 единиц. Активными группами лексики, кроме общеупотрбительной, были те, которые тематически связаны с морем, рыбной ловлей и торговлей [13, с. 45-46]. Это понятно, поскольку социальные контакты, которые обслуживал руссенорск, находились в сфере мореплавания, рыболовства и торговли.

Специфическая черта руссенорска – то, что у него два полноправных языка-лексификатора [10, с. 127], а типично у пиджина один язык-лексификатор. Кроме того, для руссенорска характерна лексическая дублетность, когда один предмет или понятие имеет два обозначения: одно обозначение восходит к русскому языку, а другое – к норвежскому. При этом в речи на пиджине русские используют норвежские обозначения, а норвежцы – русские [10, с. 127].

Таймырский пиджин, или «говорка» (неофициальное название таймырского пиджина), активно функционировал на Крайнем Севере: на Таймыре и в низовьях Енисея в начале XX в. Использовался нганасанами в общении с русскими и иноязычными земляками – долганами, ненцами, эвенками, энцами. В настоящее время таймырский пиджин практически не используется: он оказался вытесненным современным русским языком из-за усиления контактов с русскими и под влиянием школьного образования [14, с. 85]. Лишь некоторые немногочисленные представители нганасанской национальности используют его в ситуациях общения с русскоязычным населением.

Изучением таймырского пиджина из отечественных исследователей много занимался Е.А. Хелимский [см., например, 14], подробному системному описанию «говорка» была подвергнута в работе немецкого исследователя Д. Штерна [15].

Язык-лексификатор таймырского пиджина – русский. Словарный состав говорки ограничен, несмотря на открытость для лексических проникновений из русского языка [14, с. 86]. Особенностью состава лексики таймырского пиджина является наличие в нем русской диалектной лексики [14, с. 87; 15, с. 295]. У лексических единиц говорки отмечается чрезмерное развитие полисемии [15, с. 296].

Языковые особенности таймырского пиджина также характеризуются упрощенностью по сравнению с языком-источником: полностью перестраивается грамматический строй (используется одна падежная форма у имен, радикально преобразована система личных местоимений, неактуальным становится противопоставление глагольных видов, наблюдается ярко выраженная тенденция к аналитизму, отмечается отсутствие предлогов и присутствие послелогов и др.), синтаксический строй речи близок к урало-алтайскому типу (преобладает порядок слов с предикатом в конце предложения), на фонетическом уровне отмечается соответствие интонационного рисунка речи нганасанскому, меняются артикуляционные характеристики русских согласных, по артикуляции они приближаются к нганасанским и т. д. [14, с. 84, 87, 90; 15, с. 297-298, 300-302], отмечается тенденция к открытости слога [15, с. 298].

Наиболее изученным из всех пиджинов на русской основе является **русско-китайский**. В научной литературе он имел разные обозначения. Кроме указанного: маймачинское (А. Александров), кяхтинское (Г. Шухарт) наречие, кяхтинское китайское наречие русского языка (С.Н. Черепанов), смешанный китайско-русский язык (А. Яблонская), русско-китайский диалект (А.Г. Шпринцин), дальневосточный контактный язык (Ф. Елоева, Е. Перехвальская), дальневосточный пиджин, сибирский пиджин (Е. Перехвальская), забайкальско-маньчжурский прапиджин (Ян Цзе). Самыми старыми названиями являются «кяхтинское» и «маймачинское» наречие. Так назывался этот русский пиджин потому, что возник и функционировал в Забайкалье, в районе русского города Кяхта и китайского города Маймачин в первой половине XVIII в. Использовался пиджин при совершении торговых сделок и, что интересно, был обязателен для китайцев.

В.И. Беликов утверждает, что этот пиджин до конца XIX в. широко распространился за пределы Маймачина – Кяхты и называет места его распространения: Приморье, Маньчжурия [16, с. 26]. Точнее было бы сказать, **не распространился, а возникал** в местах активного социального контактирования русских и других населявших Дальний Восток народов неславянского происхождения, в первую очередь китайцев. Русско-китайский пиджин обслуживал также, но в значительно меньшей степени, чем с китайцами, контакты с монголами, а позднее – с нанайцами, удэгейцами, корейцами, практически не применялся в контактах различных нерусских групп между собой [16, с. 27].

На распространенность и неоднородность русско-китайского контактного языка еще в 1884 г. обратил внимание Г. Шухарт: «Маймачин – не единственное место употребления этого интересного жаргона, т. к. на нем говорят вдоль Сибирско-Китайской границы, в особенности около Айгуна – Благовещенска и в окрестностях Владивостока. Следовало бы предложить для него более общее обозначение, а именно китайско-русский, тогда можно было бы говорить и о Маймачинском оттенке китайско-русского диалекта. Этот язык торговли не всегда и не всюду бывает одинаков» [17, с. 318-319].

Исследователи выделяют две основные разновидности русско-китайского пиджина – кяхтинскую и дальневосточную, которые хронологически разделены более чем столетием. Дальневосточная разновидность возникла во второй половине XIX в. [3, с. 98]. Ее появление связано с переходом Приамурья и Приморья от Китая к России, а также с освоением Маньчжурии русскими при строительстве Китайско-Восточной железной дороги и основании Харбина. Вплоть до культурной революции 60-х гг. XX в. русско-китайский пиджин использовался в качестве средства коммуникации в Маньчжурии и на Дальнем Востоке [3, с. 98].

В.И. Беликов отмечал преемственность кяхтинской и дальневосточной разновидности, но вместе с тем указывал и на заметные особенности в области лексики и грамматики, связанные, например, с бóльшим использованием лексики китайского происхождения в дальневосточном варианте.

Русско-китайский пиджин весьма разнороден и по составу носителей. И в этом смысле русско-китайский пиджин – это скорее условное название для возникавшей при социальной необходимости в простом и «быстром» средстве коммуникации форме языка. На основе анализа широкого круга источников по русско-китайскому пиджину В.И. Беликов представляет его этнолектную структуру следующими разновидностями, имеющими своего национального носителя, территориальную закрепленность и некоторую языковую специфику: китайский, русский, маньчжурский, нанайско-удэгейский, корейский, польский, монгольский и, предположительно, японский этнолекты [3, с. 99-100].

Наличие разветвленной этнолектной структуры, на наш взгляд, свидетельствует об универсализме языковых изменений при столкновении таких типологически различных языков как русский (или другой славянский) и язык китайско-тибетского или тунгусо-маньчжурского происхождения. Кроме того, такое многообразие этнолектов русско-китайского пиджина свидетельствует о его значительной распространенности.

Вместе с тем русско-китайский пиджин, не приобретя круга исконных носителей со всеми сопровождающими это явление атрибутами, не пошел по пути креолизации, естественной для пиджина. Заметим, что ни один из из-

вестных русских пиджинов (руссенорск, таймырский пиджин) не подверглись креолизации, и это, полагаем, представляет интерес для исследователей и требует своего объяснения.

Отметим особо тенденцию к одностороннему использованию русско-китайского пиджина. Из научной, художественной, мемуарной литературы и публицистики, а также по свидетельствам современников пиджина известно, что эту форму речи использовала только одна сторона, участвующая в межэтнической коммуникации: в первую очередь китайцы (а также монголы, удэгейцы, корейцы, нанайцы и др.). Русские же, чей язык положен в основу русско-китайского пиджина, говорили на своем родном языке, лишь иногда вкрапляя в свою речь пиджинизированные фрагменты с целью быть лучше понятыми адресатами иного этноса, т. е уровень их пользования пиджином ограничивался «регистром для иностранца».

Отметим также, что русско-китайский пиджин не использовался в качестве средства коммуникации между представителями различных этнических групп при общении без русских [16, с. 27]. Значит, русский – тот объект, для которого предназначен пиджин и в контактах с которым заинтересована другая сторона: «…Степень заинтересованности в обмене информацией редко бывает симметричной. Тот, кто более заинтересован в эффективной коммуникации, вынужден идти на бо́льшие уступки при подборе действенного коммуникативного средства» [3, с. 92].

Русско-китайский пиджин – живая действительность сегодняшнего дня. Он по-прежнему составляет яркую черту Дальневосточного региона, его языковую специфику, обусловленную геополитической обстановкой. В настоящее время русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке достиг определенного уровня языковой стабильности, по которому можно установить, на каком этапе эволюции он находится, и прогнозировать его будущее.

Современный русско-китайский пиджин, функционирующий в приграничных с Китаем населенных пунктах, мы рассматриваем как один из территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина.

Под **территориально-хронологическим вариантом** пиджина мы понимаем такую его разновидность, которая возникла в новых пространственно-временных координатах и имеет значительное структурное сходство с другими вариантами того же пиджина.

Как уже отмечалось, о существовании двух территориальных разновидностей русско-китайского (дальневосточного) пиджина – кяхтинской и дальневосточной – писал В. И. Беликов в своей статье «Русские пиджины» [3, с. 98]. Полагаем, что территориальных разновидностей русско-китайского пиджина было больше, чем две, за весь период его функционирования на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Считаем также, что эти разновидности (варианты) все же правильнее обозначить как территориально-хронологические, поскольку они имеют отношение не только к разным территориям дальневосточного региона и Забайкалья, но и к разным временным отрезкам на протяжении трех веков, начиная с XVIII в.

Укажем эти периоды и их социальные характеристики в таблице.

Требует пояснения выделение двух территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина (см. п. 2 и п. 3 таблицы), в действительности не противопоставленных территориально и хронологически последовательных. Мы не отрицаем того, что они находятся в отношениях языковой преемственности. Главной причиной

Территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина

п/п	Период	Разновидность (вариант) пиджина	Территория распространения	Краткая характеристика исторического фона
1.	XVIII-XIX вв. (1727-1858 гг.)	Маймачинское (Кяхтинское) наречие	Кяхта (Россия, Забайкалье) – Маймачен (Монголия)	Русская караванная торговля с Китаем, регулируемая государственными договорами и соглашениями
2.	Конец XIX – начало XX вв.	Русско-китайский пиджин конца XIX – начала XX вв. (дореволюционный)	Дальний Восток России	Дореволюционная Россия, смешанный состав населения Дальнего Востока, «Маньчжурский клин», русско-китайская война 1900 г. и насильственное выселение китайцев из Благовещенска
3.	20-30-е гг. XX в. (после Октября 1917 г. – по 1937 г.)	Русско-китайский пиджин 20-30-х гг. XX в. (послереволюционный)	Дальний Восток России	Послереволюционная Россия, включение проживающих на территории России китайских граждан в народное хозяйство; массовое выселение китайцев из ДВ региона в 1937 г.
4.	Начало и середина XX в. (1898 – 60-е гг. XX в.)	Харбинский вариант русско-китайского пиджина	В Китае: Харбин, линия КВЖД, Трехречье, а также пограничные с Россией территории по р. Амур	Строительство КВЖД, русская эмиграция в Китае до начала культурной революции.
5.	90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.	Современный русско-китайский пиджин	Дальний Восток России, Забайкалье	Нормализация русско-китайских отношений, активизация открытых торговых связей, привлечение китайской рабочей силы на дальневосточный рынок труда.

их выделения как самостоятельных являются экстралингвистические обстоятельства: кардинальное изменение исторического контекста после революции, приведшее к изменению статуса и условий пребывания китайского населения на Дальнем Востоке России, а также частично структуры занятости китайцев на дальневосточных территориях, и, как следствие, изменения в структуре самого пиджина (в частности, в лексике). Это, на наш взгляд, делает целесообразным рассмотрение послереволюционного периода функционирования русско-китайского пиджина как самостоятельного.

Кроме того, характер оказавшихся доступными автору источников по дореволюционному и послереволюционному вариантам русско-китайского пиджина различен: это только мемуарные источники по дореволюционному периоду и научные, мемуарные, художественные, диалектные - по послереволюционному. Однако и эти источники позволяют почувствовать вариативность объекта исследования и служат мотивом к лингвистическому анализу их как самостоятельных вариантов.

Однако мы отдаем себе отчет, что такая классификация – всего лишь лингвистическое построение, инструмент, цель которого максимально объективно проанализировать языковое явление без пренебрежения к деталям и частностям.

1. Шпринцин А.Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. – Вып. VI. – М., 1968.

2. Беликов В.И. Пиджины и креольские языки Океании. Социолингвистический очерк. – М.: Восточная литература РАН, 1998.

3.Беликов В.И. Русские пиджины // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сб. статей. – М.: МГУ, 1997.

4. Возникновение и функционирование контактных языков: Материалы рабочего совещания. – М.: Наука, 1987.

5. Виноградов В.А. Пиджины. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990.

6. Дьячков М.В. Язык Крио. – М.: Наука, 1981.

7. Прошина З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001.

8. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект-Пресс, 2000.

9. Вахтин Н.Б., Головко Е. В.Социолингвистика и социология языка. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004.

10. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.

11. Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2.

12. Перехвальская Е.В. Части речи в русских пиджинах // Вопросы языкознания. – 1996. – № 6.

13. Давыдов А.Н., Пономаренко В.Н., Куратова А.А. Руссенорск – арктический пиджин Европы // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. – Т. 2. – М., 1986.

14. Хелимский Е.А. «Русский говорка место казать будем» (таймырский пиджин). – Там же.

15. Stern D. Taimyr pidgin Russian (govorka) // Russian linguistics. – Berlin: Humboldt-Universitat Berlin, 2005.

16. Беликов В.И. Русский этнолект дальневосточного пиджина // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народа» Тез. докладов и сообщений. – Т. 1. – М., 1991.

17. Шухарт Г. Маймачинское наречие // Русский филологический вестник. – Т. XII. – 1884.

М.В. Миронова, Е.С. Ревенко

КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ (на материале фразеологизмов английского и китайского языков)

The article aims to illustrate prototypical features of color words in cognitive aspect on the material of English and Chinese phraseological units.

В последнее время внимание этнопсихолингвистов все больше начинает привлекать исследование культурной специфики цветообозначений. В лингвокультурологии такое исследование представляется актуальным, поскольку четкое понимание национально-культурных тонкостей важно для эффективной речевой коммуникации. Знание подобной специфики, включая национальные особенности цветообозначений, – необходимая предпосылка формирования культурно-эстетического двуязычия, т.е. глубокого уровня владения иностранным языком. Связь с культурно-закрепленными эмоциональными состояниями и ситуациями позволяет рассматривать цветообозначения как своеобразные «концепты мировидения» [1, с. 249].

Из такого рода концептов и складывается лингвоцветовая картина мира (ЛКМ), которая имеет разное преломление в контексте различных культур. Она реализуется в языке в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, фразеологических единицах и других вербальных средствах, органично входя в лексическую систему языковой картины мира. Различное отношение к тому или иному цвету отражается в образных выражениях, идиомах и поговорках. Они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национального характера [2, с. 21]. Фразеология отражает в языке культуру говорящих на нем людей, в ней зафиксировано все то, что характеризует образ жизни народа, его национальную психологию.

Национально-культурная специфика языков возникает в результате того, что объективная действительность, включая такой ее фрагмент как цвет, в сопоставляемых языках сегментируется неодинаково. Таким образом, фразеологические единицы (ФЕ), содержащие в себе культурно-специфичные цветообозначения, могут рассматриваться как своего рода лингвокультурные «индикаторы», характеризующие определенную культуру с устоявшимися традициями. Например, белый цвет в Китае символизирует смерть и все, что с ней связано, в отличие от Европы, где таким символом является черный цвет. Поэтому раньше в Китае во время траурных церемоний носили белую одежду.

В когнитивном аспекте символика в языке цвета находит отражение в семантических переосмыслениях – деривации. Семантические переосмысления, в свою очередь, фиксируют когнитивные структуры. Исходя из этого, можно считать, что процессы семантической деривации несут в себе ценную информацию о собственно человеческом масштабе знаний и представлений, о концептуальной системе людей в разные эпохи, а вместе с тем – о системах национально-культурных ценностей, социального взаимодействия [3, с. 45].

Как известно, ФЕ – частные случаи семантических переосмыслений. В когнитивном анализе семантики идиом особое внимание уделяется восприятию фразеологизма как культурного знака, которое рассматривается как процесс интерпретации образного основания фразеологизма [4, с. 18].

Понятие «образное основание» ФЕ тесно связано с понятием «внутренняя форма», поскольку значение внутренней формы несет в себе информацию об образном основании идиом. В основе внутренней формы фразеологизмов, как отмечает Т.З. Черданцева, лежит переосмысленная, иносказательная ситуация, вызывающая определенные вербальные ассоциации, благодаря которым у говорящего и слушающего возникает определенный образ, что создает условия для осуществления коммуникации [5, с. 81]. Например, в китайском языке существует выражение 戴綠帽 *дай люймао* (носить зеленую шляпу, «носить